

Ковалёва Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент Брестского государственного технического университета, Республика Беларусь, г. Брест, nnkovaliova@mail.ru

ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ 1939 Г. НА ХАРАКТЕР МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ЗАПАДНО-БЕЛОРУССКОМ РЕГИОНЕ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БЕЛОРУСОВ

Автор статьи рассматривает влияние событий 1939 г на характер межкультурных коммуникаций в западно-белорусском регионе и их отражение в исторической памяти жителей приграничного региона, делая вывод, что в пограничье, где сформировался особый локальный тип идентичности, существует проблем несогласованности памяти отдельных социальных групп, прежде всего, отдельных этнических сообществ. События 1939 г. вызвали изменения в характере динамики культур, а национальная политика большевиков обострила межнациональные противоречия, что породило неоднозначное восприятие указанных событий у различных групп населения.

Ключевые слова: коллективная память; локальный тип идентичности; культурная граница; места памяти; коренизация; депортации.

Kovaleva N. N., Candidate of History, Associate Professor, Brest State Technical University, Brest, Republic of Belarus

INFLUENCE OF EVENTS OF 1939 ON THE CHARACTER OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS IN THE WEST-BELARUSIAN REGION AND THEIR REFLECTION IN THE HISTORICAL MEMORY OF BELARUSIANS

The author of the article considers the influence of the events of 1939 on the nature of intercultural communications in the West Belarusian region and their reflection in the historical memory of the inhabitants of the border region, concluding that in the borderlands, where a special local type of identity was formed, there are problems of inconsistency in the memory of individual social groups, primarily, individual ethnic communities. The events of 1939 caused changes in the nature of the dynamics of cultures, and the national policy of the Bolsheviks exacerbated interethnic contradictions, which gave rise to ambiguous perception of these events among various groups of the population.

Keywords: collective memory; local type of identity; cultural border; places of memory; indigenization; deportation.

Политика памяти в Беларуси, как и в других государствах, направлена на создание определённой модели коллективной памяти, которая способствовала бы формированию единой гражданской идентичности. Однако нельзя игнорировать проблему несогласованности памяти отдельных социальных групп, особенно в пограничном регионе, который рождает свой локальный тип идентичности, формирующийся под воздействием различных факторов: возникновения новых государств, многократного изменения государственных границ, потоков миграции населения, культурной политики государства и других.

События 1939 г. приобрели различную окраску в восприятии и памяти жителей западно-белорусского региона в зависимости от их социаль-

ной и этнической принадлежности. Культурная политика новой власти в соответствии с политическими целями строилась исходя из того, что вновь присоединённые земли должны были войти в состав БССР, что предполагало белорусизацию, т. е. расширение сферы использования белорусского языка, создание условий для развития белорусской культуры и коренизацию аппарата. Однако, если в БССР в 20-е годы политика белорусизации имела под собой серьёзную социальную базу в виде безусловного преобладания белорусскоязычного населения, то в Западной Беларуси ситуация была иной. По данным белорусских историков, в 1931 г. в Виленском, Новогрудском и Полесском воеводствах поляки составляли около 12% населения, украинцы – 5,8%, евреи – около 9%, литовцы – более 3%, русские – 2%, белорусы – 67% [1, с. 370-371]. В городах преобладало польское и еврейское население. По данным переписи 1931 г., из 40 605 жителей Бреста поляки составляли 13 454 (33,1%), украинцы – 1237 (3%), евреи – 19 693 (48,3%), русские – 4951 (12,2%), белорусы – 1370 (3,4%) [2, л. 157]. Руководящие кадры старались представить белорусизацию как реализацию «стремления народа к самобытному национальному развитию», поэтому в отчетах лидеров БССР иногда звучали нереальные вещи. 25 сентября 1939 г. Пономаренко докладывал Сталину: «Крестьяне говорят на настоящем белорусском языке, причем употребляют много слов, о которых нас здесь уверяли, что они нацдемовские, выдуманные...» [3, с. 80].

Первым шагом белорусизации стал перевод школьного обучения на белорусский язык, осуществляемый форсированными темпами. В определённой степени удовлетворялись и интересы национальных меньшинств. К 1 сентября 1940 г. работало 4278 белорусских школ, 932 польские, 173 русские, 61 литовская, 49 украинских [1, с. 462]. Кампания по белорусизации школы натолкнулась на непреодолимую преграду в виде нехватки белорусских учебников и литературы, как, впрочем, и русскоязычных. Ситуацию с учебниками очень ярко отразил в своей книге «Империя» Ришард Капущинский: «В школе мы учим русский алфавит с первого урока. Начинаем с буквы „с“». «Как это с „с“? – спрашивает кто-то из глубины класса. Начинать надо с „а“!» «Дети, – говорит учитель унылым голосом (он поляк), посмотрите на обложку нашей книги. Какая первая буква на этой обложке? „С“!» Петрусь, который является белорусом, может прочесть всю надпись: Сталин „Вопросы ленинизма“. Это единственная книга, по которой мы учим русский язык, единственная копия этой книги» [4, с. 3].

Сложной оказалась и ситуация с педагогическими кадрами. Большинство учителей старой школы, многие из которых окончили университеты, знали иностранные языки, а некоторые владели и белорусским, имело неудовлетворительное, по советским меркам, социальное происхождение. Эти учителя попадали в разряд неблагонадёжных и изгонялись из школы. Особенно массовые увольнения-чистки происходили в 1939/1940 учебном году, что негативно сказывалось на качестве учебного процесса. По Бара-

новичской области недопущенных к работе в реорганизованной школе оказалось около 200, по Брестской – до 250 учителей [5, с. 412]. Многие учителя были депортированы. Во время одной из волн депортаций (в апреле 1940 г.) из бывшего Белостокского воеводства было депортировано около 300 учителей, большинство из которых (263 человека) ушли из жизни в местах ссылки [5, с. 411]. На их место из восточной Беларуси прибывали молодые комсомольцы и коммунисты, окончившие двухгодичные пединституты, не владевшие ни белорусским, ни польским языком. Не удивительно, что очень скоро белорусизация трансформировалась в русификацию, которая ассоциировалась с советизацией школы. В городах белорусскоязычные школы вообще не получили распространения. Например, «по состоянию на 1 сентября 1940 года в Бресте было 5 начальных (2 еврейские, по одной русской, польской и белорусской), 12 неполных средних (4 русских, 3 польских, 3 еврейских и 2 белорусских) и 7 средних школ (4 русских, 2 польских и 1 еврейская) [6]. Еврейские школы (они были негосударственными при польской власти) были поставлены перед выбором языка обучения: идиш или русский. Большинство родителей-евреев выбирали русский язык [7, с.158-159]. Поэтому еврейские школы постепенно отказывались от преподавания на идише.

Изменение языковой политики в сфере образования связывалось и с изменением национального состава населения западно-белорусского региона в результате миграции населения. Несколько волн депортаций, направленных, прежде всего против польскоязычного населения (осадники, лесники и другие категории) и появление беженцев из районов, захваченных Германией, стали, если можно так сказать, дополнительным аргументом в пользу создания русскоязычных школ. Поток «восточников» исчислялся десятками тысяч человек. По данным переписи, проведенной немцами 20 июля 1941 года в Бресте, евреи составили 18000, поляки – 15000, представители других национальностей, в том числе белорусы, – 10000, «восточники» – 8000 человек [8, л. 121].

Тот же крен в сторону доминирования русского языка наблюдался и в обеспечении населения периодическими изданиями. В Западной Беларуси стали широко распространяться издаваемые в БССР республиканские русскоязычные газеты и журналы, тираж которых был значительно увеличен. В Брестской и Белостокской областях выходили областные газеты на белорусском языке. В Белостоке, где преобладало польскоязычное население, разрешалось из общего тиража областной газеты «Свободный труд» (25 тыс. экз.) 5 тыс. экз. издавать на польском языке [3, с. 81]. В 1940–1941 годах в Западной Белоруссии на польском языке выходили две республиканские и шесть местных газет и всего одна газета на идише.

Курс на коренизацию привёл к тому, что на руководящих должностях в различных сферах деятельности оказались белорусы и евреи, в основном прибывшие из восточных областей. Исследователи отмечают, что у поляков, которые, из титульной нации стали национальным меньшин-

ством, стала проявляться антипатия в отношении русского и белорусского языков, а также отторжение белорусского языка, который ранее «занимал статус второсортного средства коммуникации и являлся признаком низовой культуры» местным населением и детьми приезжих. Документы свидетельствуют, что языковая проблема стала одной из основных для протестных действий, вплоть до бойкота русского и белорусского языков (в виде вычеркивания их из расписания, непосещения этих предметов, показного непонимания языков) и даже школьных забастовок [9, с. 51]. Белорусские исследователи указывают также на обострение польско-еврейского противостояния, и даже эпизоды еврейских погромов в Гродно (убиты около 30 евреев) и в Ивье. Польские исследователи пытаются оспаривать этот факт, утверждая, что «в июне 1940 года советский суд в Гродно осудил 11 человек за участие в подавлении антикоммунистического восстания. Это умиротворение извращенно было названо коммунистической властью «антисемитским погром» [10, с. 40].

Таким образом, национальная политика большевиков на землях Западной Беларуси не ликвидировала, а лишь обострила межнациональное противостояние и породила антисоветские настроения среди некоторой части населения. События 1939 г. принесли очередное перемещение «культурной границы» как в пространственном модусе (в связи с изменением государственной границы), так и во временном, проявившемся в изменении характера динамики культур. Ситуация полного господства польской культуры, дополняемая жестким неприятием иных этнических культур, сменилась ситуацией господства русской культуры, отождествляемой с советской, настороженным отношением к польской и, можно сказать, безразличным отношением к культуре других национальных меньшинств. Власти иногда были склонны трактовать проявления антисоветизма, как антисемитизм из-за значительно числа евреев в составе руководящих органов. Кроме того, политика властей вела к дальнейшему размыванию этнического сознания у белорусов, выдвигая на первый план градацию не по национальному, а по социальному признаку, и утверждая приоритет не национальных, а классовых интересов.

Эти изменения в характере динамики культур породили и закрепили в сознании жителей приграничья и различное восприятие событий 1939 г. Для простых сельских жителей приход Красной Армии означал, прежде всего, восстановление социальной справедливости. В Белорусском архиве устной истории хранятся воспоминания Календы Ядвиги Владимировны, которая говорит, что «Красная Армия пришла освободить Беларусь от польских панов. Крестьяне думали, пускай теперь поляки, которые жили крепко, почувствуют нашу жизнь. Трагедией оказалась новая граница, потому что родственники оказались отделены друг от друга» [11]. Исследователи в современной Польше, признавая, что советская власть первоначально старалась демонстрировать своё равно уважительное отношение к представителям различных национальностей, тем не менее, отмечают, что «в советские органы власти входили главным образом пред-

ставители национальных меньшинств. Зачастую для этих представителей это создавало возможность отомстить за давние обиды, причинённые им польской властью» [10, с. 43]. Соответственно по разные стороны границы в приграничном регионе культивируются и различные места памяти. В Польше «самые распространённые символы событий «17 сентября» и его последствий это улицы, таблички и памятники, посвящённые защитникам Гродно, жертвам Катыни, реже – отдельным личностям» [10, с. 44]. Специфическим для Западной Белоруссии стал день 17 сентября – день освобождения региона от «панского ига». В честь этого события в Белостоке был торжественно заложен памятник «Освобождение Западной Белоруссии Красной Армией». В современных белорусских городах есть улицы «17 сентября», а также памятники и таблички, посвящённые участникам «освободительного похода».

Таким образом, историческая память населения пограничья неоднородна, что является подтверждением существования локального типа идентичности. И если общенациональная историческая память поддаётся корректировке с помощью исторической политики государства, то и локальная память должна быть всемерно изучена, сохранена и представлена через места памяти, к каковым автор концепции «мест памяти» Пьер Нора причисляет «музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации – все эти ценности в себе – свидетели другой эпохи, иллюзии вечности» [12, с. 26]. В данном контексте дата 17 сентября не является той датой, которая способствует формированию единой общенациональной исторической памяти, так как в восприятии жителей западного региона она приобрела неоднозначную окраску. Действительно, 17 сентября на нашу территорию вступили войска соседнего чужого государства, в состав которого Западная Беларусь никогда ранее не входила. Западная Беларусь не входила ранее и в состав БССР. Однако есть дата, которая может и должна стать общенациональным праздником. Это дата 14 ноября, когда Верховный Совет БССР принял закон о воссоединении Западной Беларуси с БССР, которая может стать общенациональным местом памяти.

Список источников и литературы

1. Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т 5. Беларусь у 1917–1945 г. / А. Вабішчэвіч [і інш.] ; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэдактар) і інш. – Мн. : Экаперспектыва, 2006. – 613 с.
2. ГАБО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 595.
3. Жарина, Л. В. Белорусизация в западных областях Белоруссии в 1939–41 гг. / Л. В. Жарина // Труды БГТУ. Серия V. История, философия, филология. – 2012. – Вып. XVIII.
4. Karuscinski Ryszard Imperium. – URL: RuLit_Me_563667.rtf.zip (дата обращения: 19.09.2019). – Текст : электронный.
5. Трофимчик, А. В. Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы / А. В. Трофимчик. – СПб. : Алетей, 2011. – 424 с.
6. Карпович, О. Советская власть в Западной Беларуси 1939 г.: образование / О. Карпович // Виртуальный Брест. – 2015. – 30 октября.

7. Карпенкина, Я. В. Советизируя евреев: из истории советской образовательной политики в Западной Белоруссии, 1939–1941 год / Я. В. Карпенкина // Российская история. – 2017. – № 5.
8. ГАБО. – Ф. 1. – Оп. 28. – Д. 91.
9. Трофимчик, А. В. Советская реорганизация школы в западных областях БССР в 1939–1941 гг. / А. В. Трофимчик // Перекрестки. – 2009. – № 1–2.
10. Milewski, J. J. 17 września 1939 r. – zderzenie i dialog pamięci: polskiej, białoruskiej i żydowskiej / J. J. Milewski // Восень 1939 года ў гістарычнай традыцыі і вуснай гісторыі / пад рэд. д-ра гіст. Н. А. Смаленчука. – Мінск : Зміцер Колас, 2015. – 288 с.
11. 1939 г. у вусных успамінах жыхароў Беларусі // Беларускі архіў вуснай гісторыі. – URL: <http://www.nashapamias.org/getrubrics.html?rubricId=2> (дата обращения: 05.01 2020). – Текст : электронный.
12. Нора, П. Проблематика мест памяти / Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж [и др.] ; пер. с фр.: Д. Хапаева. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17-50. – URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения: 05.06.2018). – Текст : электронный.